

ношка, спрячь ты ихъ!» Афонюшка велѣлъ опять ударить, и все пропало. Опять пошли въ путь дорогу; приходить въ свое царство. Прежде солдатъ прошалъ домой, жену увидать, да не тутъ то было: жены ужъ нѣтъ, она у царя въ палатахъ. Пошелъ солдатъ во дворецъ, велѣлъ о себѣ доложить царю: пришелъ молъ тотъ, что ходилъ туда, не знай куда; принесъ того, не знай чего. А самъ и говорить: «Афонюшка, да ка мнѣ стужень: я больно усталъ; посижу, пока царю докладываютъ». Царю доложили. Царь испугался и велѣлъ солдату завтра придти. Солдатъ говорить, что онъ отвѣта сейчасъ хочетъ. Его гонять, солдатъ не идетъ. Вышелъ солдатъ въ дверь, ударилъ въ барабанъ, и пошло войско, смѣлы нѣтъ.... Царь увидалъ это, велѣлъ къ нему жену вывести, чтобъ онъ ее выгнъ и съ собой увелъ. Получилъ солдатъ жену, ударилъ въ барабанъ—все опять пропало. Тогда царь простилъ солдата, подарилъ ему отличный домъ, просилъ, чтобы когда будетъ приступать къ городу неприятель, то чтобы его войско царю защитой было. Солдатъ отвѣчалъ, что его войско, всегда когда нужно—готово будетъ.

(Записано отъ сибирской мащанки Елены Степановны Смирновой).

Go.

Казакъ и принцъ.

Въехали казаки; у одного конь притухъ лъ. Онъ и говорить: «Ступайте, братцы, а я свое добраго коня выкормлю и нагоню васъ». Выкормилъ свое добраго коня, сѣлъ и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, видѣть—стогъ загорѣлся. На стогѣ сидитъ дѣвица, такая красавица, ни въ сказкѣ славать, ни перомъ написать, и кричить ему: «Вольный казакъ, сыни меня со стогу!» «Какже мнѣ васъ, красная дѣвица, снять, когда вы крутомъ въ пламени?» «У васъ», говорить, — «сабля долгая, протяните ее, я къ вамъ слѣзу». Онъ обратился назадъ, протянулъ саблю; она слѣзла по ней и стала змѣей. Обвилась эта змѣя округъ его шеи. «Вези же меня», гово-

рить, — «въ Оловяное царство! Если же не отвезешь туда, такъ я у тебя буду вѣкъ на шеѣ». Онъ думалъ, думалъ: «Гдѣ же мнѣ Оловяное царство найти?». Взялъ, сѣлъ и поѣхалъ. Заѣхавъ въ деревню, входитъ въ кабакъ и проситъ у цѣловальника косушку водки. Цѣловальникъ подалъ ему косушку и смотритъ солдату на шею. «Что это у тебя, казакъ, на шеѣ за змѣя?». «А вотъ», говоритъ, — «велитъ вести мнѣ себя въ Оловяное царство. Не знате ли гдѣ оно?». «Нѣту, я самъ не знаю, а вотъ показайте въ это селенье, зайдете къ моему брату въ кабакъ, можете онъ знаетъ.. Казакъ выѣхалъ изъ кабака; мало ли, много ли ѣхалъ, доѣхавъ до другого села. Вошелъ въ кабакъ, проситъ косушку водки. Цѣловальникъ подалъ ему косушку и смотритъ ему на шею: «Что это у тебя, казакъ, на шеѣ за змѣя?». «А вотъ», говоритъ, — «велитъ вести себя въ Оловяное царство. Не знате ли гдѣ оно?». «Не знаю. Показай къ третьему брату, въ городъ. Тамъ на Большой улицѣ, на правой рукѣ трактиръ есть. Взойдите и спросите пару чаю, а я письмо напишу. Если спросятъ, на что вамъ пару чаю, то вы скажите, что это не ваше дѣло, и потребуйте самага хозяина». Казакъ выѣхалъ изъ села, пріѣхалъ въ городъ и спросилъ у половникъ въ трактирѣ пару чаю. Тѣ и говорятъ: «На что тебѣ пару чаю, когда ты одинъ?». «Не ваше», говоритъ, — «дѣло!». Подали ему пару чаю, а онъ хозяина спросилъ. Приходятъ хозяинъ; казакъ ему письмо даетъ въ руки. Онъ читаетъ и говоритъ: «Ну, солдатики, какъ бы я принялъ брата, такъ я васъ приму. Подайте же вы, половники, полштофъ мнѣ водки!». И стали они водку пить, и увидалъ хозяинъ змѣю. «Что это у тебя, солдатики, на шеѣ за змѣя?». «Да вотъ велитъ вести въ Оловяное царство, а гдѣ оно? Не знате ли?». «Я», говоритъ хозяинъ, — «хоть въ немъ не былъ, а мимо проѣхалъ. Выйдете изъ города, на правую руку дорогой и покажите». Онъ, написавъ письмо, сѣлъ на коня и поѣхалъ вонъ изъ городу. Смотритъ: на право — дорога. Њхалъ онъ близко ли, долго ли, доѣхавъ до Оловянаго царства; слѣзъ съ добраго коня, втыкаетъ штыкъ въ землю и привязываетъ коня за штыкъ, а на штыкъ шапку вѣшать. Вошелъ въ Оловяное царство, глядя — на шеѣ змѣя нѣту. Вошелъ въ домъ, въ немъ никого нѣтъ, кричалъ громнымъ голосомъ, никто голосу не отдавалъ. Ходилъ, ходилъ и въ одномъ шкапу нашелъ всякіихъ закусковъ

и напитки. Напился, наѣлся и закатился на трон сutoчи спать. Проснулся и говорить: «Опохмѣлось, отыщу своего добраго коня! Кажись я трое суток спалъ.. Опохмѣлился и опять закатился на трон суток спать. Проснулся, говорить: «Кажись шестеро суток спалъ, а конь не ѣвши. Дай посмотрю!» Вышелъ, ходилъ; ходилъ—не могъ найти. «Дай пойду съ горы загуляю еще!» Опять опохмѣлился и на трон суток спать завалился. Стало девятеро суток. «Сколько здѣсь ни пей, ни ѣшь, а надо домой!» Вышелъ—стоитъ хижина. «Нѣтъ ли», думаетъ, — «въ ней мово добраго коня?» Взошелъ и видитъ: конь его ѣсть бѣлокрову пшеницу; шашка и штыкъ на стѣнѣ, и водичка у коня налита. «Дай», говорить, — «еще пойду съ радости загуляю!» И загулялъ, закатился еще на трое суток спать. «Сколько здѣсь ни пей, ни ѣшь, а домой надо!» Пилъ двѣнадцать сутокъ, а въ домѣ не зналъ что. Вышелъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, и стоять три дѣвицы, воалѣ Ловинаго царства, красоты необыкновенной. Кричать ему: «Военный казакъ! Пилъ, ѣлъ ты тутъ двѣнадцать сутокъ, а никого не поблагодарилъ!» «Кого же мнѣ благодарить, когда васъ въ домѣ нивого нѣтъ? Ну, благодарю васъ, красныя дѣвицы!» Онѣ ему и говорятъ: «Военный казакъ, воротись къ намъ!» Онъ вернулся и благодарить: «Спасибо, красныя дѣвицы!» Большая сестра даетъ ему кисетикъ и говорить: «А на что же тебѣ этотъ кисетикъ?» «А я, говорить, курю трубку и имѣю табачокъ, да и трешникъ могу въ него положить». «Нѣтъ», говорить, — «это не для того; а когда ты гдѣ чего закупишь, или что на тебя будетъ (на пѣда), возьми его, тряхни, и вылетитъ изъ него золото». Серѣдня дала шашку: «На что тебѣ, военный казакъ, шашка?» Да шашкой я отбиться могу, красная дѣвица. «Это», говорить, — «вѣрно». Меньшая дала рубашку. «На что тебѣ она, военный казакъ?» «А вотъ какъ загрязнится, я домой приѣду, надѣну частую и къ обѣднѣ пойду». «Это не для этого, а когда ежели битва будетъ — надѣнь эту рубашку и подвѣши шашку: никакая тебя сила не возьметъ». Онъ сѣлъ и поѣхалъ. Доѣзжаетъ къ одному дому и видитъ: кругомъ колья, а на каждомъ колу человѣчья голова. На воротахъ подписано: «Что хощь пей, ѣшь, только денежки заплати». На одномъ колу одной головы не хватало. Въѣхалъ онъ въ домъ, сѣлъ съ коня и говорить, чтобы убрали его коня и задали овса.

«Я за все заплачу». Пилъ и ѣлъ онъ здѣсь три года, на четвертый годъ сталъ расчитываться съ хозяиномъ. «Дайте мнѣ три фуры быковъ!» Слуги доложили. Хозяинъ велѣлъ подать, на смѣхъ, думаетъ себѣ: «Не заплатитъ, такъ прямо на колъ». Подали ему фуры съ быками; онъ всталъ на налѣску, трахнулъ кнесь за уголокъ и насыпалъ полны фуры, такъ что золото покатылось съ фуръ на землю. «Дайте мнѣ гребло!» Ему дали; онъ сгребъ по налѣски ровень. «Что», говорить,—«въ фурахъ, то хозяину, а что на полу—то половымъ за услугу». Половые обрадовались. «Сколько мы у хозяина служимъ, а столько еще не заслуживали». И благодарятъ солдата. «Выведите мнѣ добраго коня!» Ему коня вывели и на рукахъ его въ сѣдло посадили. Сѣлъ казакъ и поѣхалъ себѣ, и опослѣ его хозяинъ и говорить: «Ахъ, хозяйка, сколько у него денегъ! Отдадимъ за него дочь!» И послали полового спросить его—что онъ женатый или холостой. Тотъ спросилъ «Я», отвѣчаетъ,—«холостой». Хозяинъ васъ обратитъся просить. Казакъ вернулся назадъ. Хозяинъ и говорить: «Что, возьмешь мою дочь замужъ?» «Можно» говорить. А дочь-то жила съ принцемъ изъ Девяти девятаго царства, и пишетъ принцъ: «Готовы силы больше; если же не приготовишь, то я всю твою силу пройду и самого зарублю». Онъ испугался, не знать что дѣлать, и тужить, обнимая голову. Зять вошелъ. «Что тужите, папашенька? Нечего, говорить тужить!» Вдругъ принецъ гонитъ страшную силу. Казакъ надѣлъ рубаху, надѣлъ шапку и выѣхалъ къ нимъ на вольность; всею нѣхъ силу порубилъ и принца изъ сѣдла вышибъ. Тотъ прощенья запросилъ. Онъ его простилъ. «Первая», говорить,—«вина прощается, а вторая—никогда!»

Принцъ пишетъ къ его женѣ: «Милёночекъ, спросите чѣмъ онъ хитѣрь у васъ». Мужъ ей, когда она спросила его, и говорить: «У бабы волосъ долготъ, а умъ коротокъ». Во вторителѣно принцъ пишетъ: «Готовься! Силы еще больше пригоню!» Гонитъ силу страшную. Царь испугался, не знать что дѣлать и, тужить, обнимая голову. Зять вошелъ: «Что тужите, папашенька? Нечего тужить!» Надѣлъ свою рубаху и шапку, выѣхалъ на вольность, всею силу порубилъ и принца изъ сѣдла вышибъ. Тотъ сталъ прощенья просить, онъ простилъ. Пишетъ принцъ къ его женѣ опять: «Спроси, милёночекъ, чѣмъ твой мужъ хитѣрь». Та спро-

сила; мужъ и говорить: «Кабы не эта шапка да рубашка, меня плохая бы курада сплибла». Она изготовила такую же шапку и рубашку, повѣсила на стѣнку, и эти отравила принцу. Пишетъ принцу: «Выѣзжай воевать одинъ на однанъ!». Казакъ надѣлъ рубашку и шапку и о д а ъ л ъ, выѣхалъ; только конь и спотыкался. «Что», говорить, — «ты, ненасытная вляча, спотыкаешься?». Принцъ вышибъ казака изъ сѣдла и сталъ казакъ прощенья просить. «Простя ты меня! Кажись я два раза прощаль... Изрубите лучше меня на мелкие части, положите въ кулекъ и привяжите лошади за хвостъ, пусть по широкому полю размычетъ». Изрубилъ принцъ казака и сложилъ въ кулекъ, и привязалъ къ конскому хвосту. Конь ходилъ, ходилъ по полю и зашелъ туда, гдѣ бѣлосному ишеницу ѣлъ. Подошелъ къ двору, заржалъ. Услышали три дѣвцы и говорятъ: «Это нашъ братецъ!». Вышли, а онъ изрубленъ. Перемыли его кости, сложили и спрыснули живой водой и мертвой. Онъ и всталъ. «Эхъ, какъ я долго спалъ!». «Вѣкъ бы тебѣ, братецъ, спать, кабы не мы. Какъ же бабѣ поддался?». Большая сестра и говоритъ: «Есть у меня одна штука: если сидешь, будешь вѣкъ сидѣть; уснешь—вѣкъ спать будешь». И дала она ему крестикъ, что нигдѣ не ложиться и не садиться. «Прямо иди въ село; спросишься у богатого мужа—онъ не пуститъ ночевать; спросишься у х о х л а—тотъ пуститъ, и вози ты ему себя будить за крестикъ». Пришелъ казакъ въ село, хохолъ ночевать его пустилъ. После ужина легъ казакъ въ ясли спать и говорить хохлу: «Когда на базаръ пойдешь, буди меня за крестикъ!». Пошелъ хохолъ на базаръ съ женой, и забыли про него. Приѣхали съ базару. «Хозяйка, разбуди солдатика-то!». Та будила, не разбудила, думала, что померъ. Хохолъ бѣжитъ, испугался: «Не задушила ли», думаетъ, — «она его». Трассъ, трассъ, задрѣлъ за крестикъ, и сталъ казакъ конемъ—грива серебряная, хвостъ золотой! «Ахъ, хозяйка, сплечемъ обратъ, поведемъ на базаръ!». Привели на базаръ, тамъ и оцѣнить не могутъ. Сказали принцу. Принцъ выѣхалъ и далъ имъ этотъ дворъ(?), гдѣ казакъ жилъ, и обивчался. «Вотъ», говорить, — «завъ плато, серебро и с а м о в а р ы!». (А хохлы не понимали что это: «Два сколь рукобойникоу-то!» говорить). Коня принцъ себя ваялъ, поставонилъ въ конюшнѣ и дѣвушку къ нему вреставилъ.

Ведумалъ prince въ братьямъ сѣздить, коня показать. Жена и смотритъ за нѣмъ. Идетъ старуха. «Куда», говоритъ, — «вашъ супругъ поѣхалъ?» «Да въ братьямъ коня показать». «Это», говоритъ, — «не конь, а вашъ прежній мужъ». Она велѣла коня воротить. Prince назадъ вернулся. «Что?» спрашиваетъ. «Да мнѣ, милѣнокъ, сонъ не хорошій приснился. Если этого коня не зарѣжешь и его шкурой мнѣ диванъ не обобьешь — я жива не буду». Дѣвушка вошла къ коню и плачетъ. «Что ты, красная дѣвица, плачешь? Если меня будутъ рѣзать, ты подойди ко мнѣ со слезами, и какъ первая кровь брызнетъ, тебѣ на платье, ты его сними и зарой въ саду». Вывели коня рѣзать. Она такъ и сдѣлала, какъ конь говорилъ. Отъ платья въ саду яблонька уродилась: яблочко золотое, листочекъ серебряный, листочекъ золотой. Приставили дѣвицу яблоньку стеречь. Prince нарвалъ яблокъ и повесѣлъ братьямъ показатъ. Жена смотритъ ему вслѣдъ, и идетъ старуха. «Куда это твой супругъ поѣхалъ?» «Да вотъ братьямъ яблочки отъ яблони повесѣлъ казать». «Это», говоритъ, — «не яблоня, а твой прежній мужъ». Она его и воротила назадъ да и говоритъ: «Сонъ мнѣ дурной приснился. Сруби ты эту яблоню; не срубилъ если и стулъ съ креслами не сдѣлашь, мнѣ живой не быть». Дѣвица опять плачетъ, заливаясь. Яблоня ей и говоритъ: «Когда меня будутъ рубить, и первая щепка отлетитъ, возьмите и бросьте ее въ озеро». Пришли яблоню рубить; дѣвица такъ и сдѣлала, какъ ей говорила яблоня: бросила щепку въ озеро, и обратилась она въ селени: перушко серебряное и перушко золотое.

Prince увидалъ въ саду селени и сталъ его ловить; свинулъ шапку и рубашку, и залѣзъ въ воду, а жена домой ушла. Селени завелъ его далеко въ воду, по грудь; вынулъ между ногъ ударился объ землю, сталъ опять казаконъ и надѣлъ его шапку и рубашку. «Коли хочешь», говоритъ, — «такъ такъ тонн, а то сюда нылай: я тебя зарублю!» Prince потонулъ въ озерѣ. Казакъ вошелъ въ домъ, зарубилъ принцесу и обѣчался на это на горничной. Сѣздалъ къ дѣвицамъ, поблагодарилъ, что онѣ его отъ смерти отвели, и сталъ жить да поживать.

(Отъ дворянина Алексѣя, изъ Сибиряка).